

Почему царя Николая кровавым звали

Царь-от был жестокий да злющий с самого детства. Бывало, все и забавляется тем, что кошек да крыс живыми над огнем жарил. А еще, говорят, и так бывало: заставит согнать мальчишек со всего города, да и велит им драться кирпичами да палками ради своей утехы. Потом, когда в годы вошел и жениться задумал, созвал он в свои палаты главных архиереев:

— Предсказывайте мою судьбу царскую.

Архиереи поглядели в святцы, пошептались между собой и говорят:

— Родился ты, царевич, под звездой-планетой. Убийской та звезда-планета зовется. И надо ту звезду-планету задобрить кровью невинно убитых в день твоего венчания. А не задобришь — не будет счастья в жизни твоей.

Крепко задумался царь. Что бы придумать такое, что и звезду-планету задобрить, и себя утешить жестокостью лютой. Ох, любил царь жестокости! И вот придумал царь согнать мильон народу на свою свадьбу. А когда с венчания из церкви ехал, то к народу с такой речью обратился:

— Пирую, — говорит, — я свою золотую свадьбу, веселюсь. И вы, народ, должны веселиться. Свезу, говорит, только домой царицу Александру, подарки вам вышлю и сам буду на ваше веселье смотреть.

Приехали царь с царицей во дворец, пир-веселье начали. Только про подарки народу что-то и помину нет. Министры да генералы забеспокоились, к царю в ноги кланяются.

— Народ, — говорит, — о подарках волнуется. Как бы, — говорит, — за обман тебе и нам бока не намяли.

Стукнул царь кулаком по столу:

— А ну, министры да генералы, выкладывай все наличности.

Собрали тут денег самое многое сотен пять, аль шесть: выслал царь своих слуг подарки закупать, да народ подарками оделять. Да разве мильон людей пятью сотнями оделишь? И вот слуги царские крикнули в трубы: кто

первый подбежит, тот и получит подарки, — на всех, мол, никак не хватит. И началось тут волнение великое. Задние прут на передних, передние падают, задние бегут через них. Кричат все, стонут, кости трещат. А царь в окошко любуется. Увидел, что народ ко дворцу придвигается, вызвал конную:

— Дави, — говорит, — их больше!

Мало кто ушел от этого ужаса. Полмилльона людей, говорят, было передавлено. На площади было вырыто семьсот колодцев, и все эти семьсот колодцев были мертвецами завалены. И вот с тех пор все злее и злее стал царь; как только почувствует беспокойство в совести, аль жалость к кому, так и бежит к тем колодцам, где безвинные люди покиданы. А как взглянет на колодцы, так вся жалость пройдет, и лютоисти больше прибавится. Только, говорят, что пока царь стоит у колодца, кровь-то из убитых в него переходит. И все больше и больше наливается кровью царь — красный стал такой, что стыдно на-люди показываться.

И зовет один раз царь к себе живописца:

— Сымай, говорит, портрет с меня, только рисуй меня белым да приятным. А нарисуешь похожим на меня, — голову отрублю.

И нарисовал живописец портрет облыжный, а царь велел живописца казнить, чтобы он правду никому не рассказал. Только правду от народа не укроешь: все узнали, что царь-от кровавый.

(Записал А. Ф. Румянцев от Л. Пименовой. Сказку Л. Пименова слышала от своей бабушки в дер. Симаково, Костромского района)

Архив Ярославского областного издательства ОГИЗа. Ярославский фольклор, дооктябрьский / Сост. Б. Н. Быстров и Н. Е. Новиков; Ярославль: Обл. изд-во, 1938 (Кострома: Типография им. М. Горького).